

Лев Роднов
рисунки Михаила Вахрина

Никакое завещание не может быть выражено языком вещей.

Я в степени N

Завещание

**Разум стремится использовать жизнь.
Любовь стремится её создать.**

...Почему тексты извращены до смысловой изнанки? Почему коварная подмена производится кистью слов? Почему есть лишь: «И сказал Он...» Почему нет: «И сотворила Она!» Почему погибает всё – в умении ненасытном?

Для людей:

...Разум избавляется от любви.

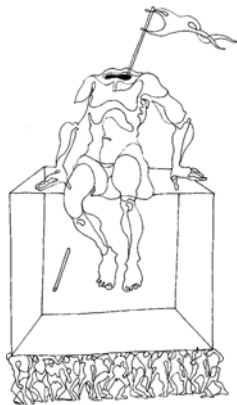

Для Земли:

Я – телохранитель Духа. Дух – телохранитель Разума. Разум – телохранитель Тела. Тело – фундамент дворца!

Для меня:

...неужели явь – это сон? дающий только на миг ощутить мою явь... только на миг! краткий настолько, что время бессмысленно в нём... всё остальное – лишь воспоминания о реальности мига; и чтобы продлить их, я консервирую грёзы в вещах и текстах; так появляется время – сон после сна, узлы пространства и «стоячие волны» живых вибраций, отвердевшее эхо памяти и воображений;

- я – живая пирамида. основание моё покоится на тверди древних достижений. этажи и уровни мои насыщены различной жизнью. на самую вершину – во власть – поднимаются видящие суть и не сгорающие от власти. это – самые живые! мною, живой пирамидой, прирастают тверди древних достижений. в отброшенной мною тени – жизнь теней. им кажется, что они тоже опираются на твердь древних достижений, потому что плоскость между жизнью и смертью – зеркальна. а теневой венец утопает во тьме. самые мёртвые, грязные и тяжёлые стремятся к призрачному мраку этой вершины –

опускаются во власть. они обнаглели, им кажется: жизнь – это тень их...
когда свет надо мною достигнет зенита, фантомы исчезнут;

я – мутный. душа накопила воспоминания и образы, стала малопрозрачной. средствами жизни процесс необратим. не надо бы мутнеть...;

я – капилляр, тоненькая трубочка, по которой в результате молекулярного взаимодействия «твердое вещество» приподнимается над гравитацией, а «духовное вещество» - стремится ему навстречу. мне дана воля произвольно перемещать точку схождения одного с другим;

я – скорлупа. внутри меня – растущая жизнь. если она не сможет пробить скорлупу, то погибнет. никто в мире не пробивает скорлупу снаружи;

я – книга. религиозная книга. я заражаю людей старостью: ценностью стариков, идеями стариков, идеалами стариков, надеждами стариков, энергией стариков, печалью стариков, усталостью стариков. читая и слушая меня, дети становятся старыми с пелёнок. старые, унылые дети – это унылая культура. они не хотят! им не нужны «ценности» беспомощных и обиженных временем. им нужны бесконечно разнообразные надежды на удовольствия жизни, а не последняя призрачная надежда на загробный мир. досрочная чужая мудрость ведёт к досрочной старости. большинство заражённых придут к бессилию. и от отчаяния многократно прочитают меня до последней точки. кроме тех, кто напишет свою собственную книгу. и последнюю точку поставит сам.

я – небо. от испорченной экологии неба жизни пришлось зарываться всё глубже и глубже: в броню мысли, в слепоту чувства, в удовольствия тела, в безнравственность денег и техники, в затаившийся камень икон и болванов... вниз! вниз!

я – река. река жизни. я теку, как и положено, от высокого к низкому. от чистого истока к цветущей грязи. люди безвольно присоединяются к моему течению и жалуются на ухудшение условий обитания. что я могу им посоветовать? на нерест! на нерест! доставьте своих детей к истоку. ценой своей жизни - вверх! вверх!

я – лавочник. над моей лавкой висит вывеска: «Духовные ценности – от производителя!» - овцы никогда не заходят сюда;

я – плотник. граф Потёмкин попросил меня сделать красивой деревню. я воспитал учеников. через полтора века они сделали «потёмкинскую страну»;

я – лентяй. природа согласна мне щедро платить за то, что я не работаю;

я – пересмешник. лежу боком. вижу всё: мир населяют безбожники и верующие – гоблины и боглины;

я – глухой. но даже я слышу глупое: голос мёртвых не может быть громче голоса живых;

я – тварь. размышляя о боге, я всё больше прихожу к убеждению, что вряд ли Он верит в собственный абсолют; думаю, главный Он ещё не сошёл с ума, как люди....;

я – философ. урчащий желудок подсказывает мне: бедность на земле не вечна, вечна – бедность после земли!

я – корень. у меня очень много родственников. они совершенно разные. корни, живущие только «для себя», порождают клубни. другая родня живёт идеей «стремления к свету» - эти вскармливают цветы, листья и плоды. есть и невидимые корни: корни прошлого, корни неба, корни

фантазий. Разум и душа имеют весьма развитую питающую систему; тут вам и «клубни», тут вам и «свет»;

я – маленький. для чего меня родители привели на кладбище? все здесь устроено и раскрашено так же, как на детской игровой площадке, а играть – нельзя...;

я – модница. баба с пустыми бёдрами, дурная примета. дети мне отвратительны;

я – одуванчик. один из тех, кто управляет миром путём распространения в нём новых семян. безымянные семена новых идей я выпускаю в любое пространство, ветер духа их подхватывает и несёт, играя, куда угодно. семена опускаются в чьи-то открытые головы и сердца, «удобренные» образованием и «взрыхленные» потрясениями самопознания. потом они прорастают. и созревают плоды новых одуванчиков. а я только наблюдаю за всем этим, любя и любясь. после смерти лес моих мыслей лысеет, но потом всё снова цветёт и я снова сорю семенами...;

я – земля. рождаю любых: ползающих, плавающих, бегающих, крылатых... есть и такие, кто пытается от меня оторваться навсегда. этих – я заземляю;

я – альпинист. обожаю восхождения! один бью крючья, травлю шнуры, вяжу страховку, использую снаряжение – рискуя жизнью, лезу выше всех, чтобы увидеть Красоту. долез. увидел. возвращаясь, тщательно собираю своё снаряжение, разбросанное по вертикали. «здравствуйте, люди! слушайте! я познакомлю вас с красотой!» люди смотрят на мои потёртые верёвки, погнутые крючья... - им трудно представить Красоту, глядя на странные вещи. некоторые меня согласны слушать, некоторые просто верят, но никто не просит у меня снаряжение. людям слишком нравится быть вместе;

я – звезда. инстинкт материнства заставляет меня откладывать в пространстве яйца планет и потом терпеливо их высиживать, согревая детей собственным теплом. я знаю: из каждой планеты должна вылупиться новая звёздочка. а мама её научит расти и летать;

я – певец. пою на различных языках народов и существ мира. профессионально заявляю: не всякий язык позволяет «дать голосом» энергию жизни;

я – полтергейст. люди меня боятся. я знаю, что устроен хуже и проще людей, но я умею «доить» их эмоции для своего пропитания, покусывая тела соседнего мира, – чтобы и мне перепала моя законная доля;

я – чёрт. у меня есть только одно оправдание: Бог в ответе за тех, кого он приручил...;

я – тюрьма. в моих казематах содержатся мёртвые пленники непознаваемого духа – понятия, заветы, скрижали, наука, образчики форм и состав содержаний. все они изначально мертвы. этот секрет я охраняю;

я – наследник. пророки отцов изрекли, что «восстанут все мёртвые...». вижу: восстали уже. повсюду теперь их восставшая власть;

я – поэт. вот что я сочинил: «Он много, очень много помнил! Он мало, очень мало знал!»

я – знак. и вот что важно для людей и человекообразных: печатное слово не прощает самолюбования. в остальном – бумага стерпит;

я – художник. такой же художник меня поймёт, если я скажу: «Сформулировать картинку!»;

я – эгоист. меня легко узнать по нестерпимой любви к «шаблонам эгоизма»;

я – памятник. за время своего существования я обрастаю толстой корой вранья и напитываюсь соками притворства. но даже я знаю, что наступает миг, когда приходит пора становиться самим собой. что же мне, неподвижному, делать?! я не смогу умереть в мире. значит, я умру страшной, удушливой смертью – внутри вранья;

я – фаталист. формы земной жизни, вплоть до последнего микроба, – собрание инопланетян. всех сюда «занесло». земные люди – дети различных цивилизаций. здесь они существуют в примерно одинаковых универсальных «скафандрах» - в телах. универсальную форму для существования диктуют условия планеты. а содержание – различно. по принципу одинаковой содержательности «дети» сбиваются в стаи, имея, как правило, обособленную территорию, собственную культуру и собственный язык. В час фатальных изменений они выходят из своих скафандров и не скрывают своей истинной инопланетной сути – ангелов, демонов, говорящих растений, разумных животных...;

я – стеллаж. могу дать совет: собрание книг читать не обязательно. просто пусть они будут рядом. в любом их собрании присутствует музыка мира! удобно! для того, кто умеет «слушать взглядом», этого познания вполне достаточно;

я – врач. моя практика показывает, что эгоизм одиночки всегда серьёзно болен. в то время, как здоровый эгоизм – всегда достижение коллективное;

я – судья. «Говорите по существу!» - и ответчик, и истец наперебой называют цифры, имена, сроки, номера и даты, названия и клички... «Говорите по существу!» - увы, им нечего сказать. ни одна из сторон не владеет языком идей, осмыслений, духовных знаков;

я – огонь. сначала я зажжёт людские души. потом я зажжёт их разум. потом я зажжёт их ремёсла. потом я сжжёт их души, разум и города;

я – пограничник. бдительно и неусыпно охраняю границу, отделяющую высшее от низшего. чтобы низшее могло развиваться, а высшее существовать без ущерба для себя. если граница исчезнет, то иерархия рухнет и всё будет – низшим!

я – усилитель. знаете, что случается, если при включенной аппаратуре микрофон поднести близко к рупору? невыносимый вой! это называется «петля положительной обратной связи» - самовозбуждение. я знаю людей, чей язык вставлен в собственное ухо. таких не перекричать, не переубедить, не переделать. никто не может говорить с ними рядом – вой стоит несусветный!

я – дорога. многие ищут новое, выбирая... дорогу. так же как ищут любви только те, в ком её нет. не ходи с ними!

я – завещание. но люди поймут меня только после того, как расстанутся с вещами;

я – псевдоним.

Лгать от своего собственного имени, даже не себе самому, очень неудобно. Для этого и существует ролевое **заёмное имя** – псевдоним. Мы привыкли подразумевать под этим понятием некое «запасное» авторское имя. Всего лишь. Однако псевдоним как **институт действующих масок**, гораздо шире. Это, собственно, - вся цивилизация. Пришедшая, в конце

концов, от своего собственного имени и собственной жизни к полной «псевдонимизации». Перенесшая груз авторской ответственности в область фантома. Постепенно, незаметным образом, псевдоним укрепился в реальности и стал уверенно играть роль оригинала. Управлять оригиналом и фактически быть им. Примеров сколько угодно. Например! **Жил-был человек.** Честный, красивый, открытый, имел своё собственное лицо и свои собственные слова для выражения своего персонального мнения, собственные цели и собственные дела. **И вдруг что-то случилось.** Человек поступил... на службу! Человеку дали мундир! Мундир! Мундир – физический ролевой псевдоним, позволяющий оправдывать обездушенную механику действий как «необходимость», **легализовать своё притворство в глазах других**, а заодно и успешно оправдаться перед взором внутренней своей совести и здравого смысла. Мол, не я теперь виноват, что произношу неживые слова – честь мундира обязывает! Хм? Понятием «честь», как ни странно, чаще всего оперирует мёртвая интеллектуальная и духовная материя. **Все это знают.** Однако болезнью «псевдонимизации» могут болеть не только отдельные люди, но и целые страны – стремясь распрощаться с самобытностью навеки. Псевдонимы, паразитирующие на оригинале, могут меняться с частотой моды, или даже вступать друг с другом в конфликты – кукольные по сути, и чрезвычайно опасные для действительно оригинальной жизни. **Псевдонимы меняют человека.** Более того! Псевдонимы-отцы завещают псевдонимы-заветы детям. В эту эстафету грубо, со всеми тяжкими ломится псевдоним-государство. В многократно переотражённой чехарде псевдо-изменений сам чёрт ногу сломит! Никто уже не помнит, где было начало узаконенного притворства и никто не знает, каким будет конец. Чудомиг продается дороже всего: **псевдоним позволяет реально жить в изображаемом.** Цена участия – собственная жизнь. Модная певица существует в искусственно созданном имидже и постепенно становится «обслуживающим персоналом» для материализованной маски, заложницей роли. Заложником «картинки», угодной потребителю и искусственных недолговечных стандартов. Или другое. Заложник политических или религиозных канонов ради «истинного реноме» безжалостно ампутирует в собственном интеллекте и в душе «всё лишнее». **А что поделаешь?** Таковы требования роли. Восторженная убогость корпоративных гимнов, глупая серьёзность секьюрети на пустом месте, **стадный психоз, заменяющий радость общения**, внушённая гордость за чуждые вещи и мысли, корпоративная ложь в изменённой истории – всё это очень жестокий спектакль. Что теряем мы в нём? У человека крадут самого человека! **Просто-то как!** Псевдоним легко переводит реальность в разряд театральности. Шоу в науке, шоу в эфире, шоу в желаниях. Слушать и делать никто не согласен, пока не покажут забаву. Ну, а судьи-то кто, как говорится? В маскарадах проектов и тендеров может сгинуть среди трупобразных начётчиков всякая жизнь; **для свободных поэтов казенная дверь домовине подобна!** Шоу не учит критичности. Шоумены не просят людей оглянуться на ценности практик труда. Жизнь без критики в имени

вряд ли нуждается. Хватит и клички для выдумки слов-скороспелок. **Законы зрелища не живут по законам совести.** В нарисованном мире совесть лишь «специя» в шоу, а те, кто упрямствует в ней – декорации держат. Псевдоним – это, значит, не я. Ну, а кто же тогда? **Как бы я!** Просто-таки феноменальна сила скорости, с которой переформатируется «как бы» личность. Псевдоличность. Так, на заре своей образной способности жить, дети играют «в больницы», «в солдатиков», «в магазин», «в космонавтов», «в царя», «в тюрьму», «в небеса»... В этом первом детском кривлянии – весь будущий спектр профессиональных кривляний. **Роль сама пишет сценарий!** Он-лайн. В отличие от взрослых, дети ещё свободны от власти одной-единственной роли, поэтому свой «он-лайн» они способны менять ежеминутно. Взрослые буквально «застывают» в своих псевдонимах: в своих выборах, мундирах, дорогах судьбы, в твёрдых убеждениях и твёрдой вере. В дальнейшем они пожизненно лишь злобно соревнуются: **чья твердыня крепче?** Казалось бы, псевдоним, дающий такую колоссальную свободу в мире безграничной искусственной безответственности по отношению к природе цивилизации, на самом деле становится ловушкой, Прокрустовым ложе в мире стандартизованного притворства и регламентированных ролей. Псевдоним – это изложница, в которой отливают одинаковых изнутри и снаружи оловянных солдатиков. А может ли сам псевдоним быть живым? Изменяемым, как жизнь. **Сегодня – один, завтра – другой, послезавтра – третий...** Для «застывших» это немислимо. А как же волшебство искусства?! Ну да, такой процесс случается. Но только среди тех, кто, дожив до седины, так и не повзрослел – не поверил в «истинность» мира псевдонимов. Именно поэтому искусство цивилизации, прошедшее круги искушения и ада, **вновь стремится к естеству и простоте природы.**

Имена святых, красивые названия на модной упаковке, смешные подписи под фотографиями в стенгазете – всё это не собственные имена, реклама изначально нарисованного. Это – жизнь в нарисованном; что ж, за этот многотысячелетний аттракцион **каждому новому поколению придётся заплатить кое-чем подлинным** – собственной плотью и собственным временем.

Существует ли вообще жизнь вне псевдонимов? Думается, что в людском мире, нет. Потому-то он сам по себе - грандиозный замок призраков, и Псевдоним здесь – король! Ему подчиняется всё: прошлое и будущее, войска и дороги, лгуны и праведники, молчуны и глашатаи. **Собственное имя внутри этого королевства – прячут.** Псевдоним! Ложь, миллионы разов расколота на миллионы мелких осколков, среди которых «мелким» людям предлагается **ужас герметичного лабиринта – их «выбор».**

Да, всё собственное – прячут: собственное мнение, собственный взгляд. Настоящая частная собственность – всегда внутри человека. Всё остальное – собственность иллюзий и иллюзионистов. Фантазия с удивительной лёгкостью подчиняется приказам всевозможных «псевдо»: шьёт мундиры, делает телепередачи, изобретает новые шоу-пространства,

строит выставочные комплексы, стадионы и храмы. «Красота!» – восклицает псевдоним. «Да, красиво...» – соглашаются люди. И только какой-то очень далёкий тайный голос нашёптывает без слов: красиво – это всё-таки ещё не красота. Так же как порядок – это ещё не гармония. **Ах, красота!** Непонимаемая, потому что безымянная.

Псевдоним – аноним себя самого – непревзойдённый мастер обманов, доносов, притворства. Псевдоним – безошибочный «барометр» давления лжи в любой эпохе. В отличие от уродства, красота и естество не испытывают потребности в украшении себя самих. А псевдоним – подмена имени. А подмена имени – это забвение. Самозабвение. **Что предъявишь ты Богу после смерти своей на земле?** Только смерть и в небесном. Псевдо... Что предъявишь... То, во что ты вложил так страстно всем, что было дано? То, на что израсходовал время редкое – быть? Реальность истоков столь высока, что фантомы вряд ли имеют в ней шанс продолжаться. Призраки слишком тяжелы, чтобы находиться в парящем истоке.

Вот несколько сентенций, афоризмов по поводу псевдонима и имени:

- *псевдоним разоряет собственное имя и делает его безработным;*
- *псевдонимы продаются и перепродаются (права, брэнды);*
- *псевдоним обездушен;*
- *отделенные от совести, душа и разум позволяют псевдониму*

превзойти своего хозяина многократно;

- в собственном имени ложь затруднительна, а в роли она легка и приятна.

Итак. Псевдонимы, или даже клонированные армии «поименованных», всегда выступают «от имени» кого-либо, или чего-либо. Псевдоним эмулирует имя. И для себя, и для толпы. Адвокат, выступающий от имени Закона, политик, рекущий от имени Власти, проповедник, выступающий от имени Бога. В анекдотах и здоровом народном мнении это – лжецы, паразиты, прохиндеи. Мелкие знаковые существа, ловко спрятавшиеся **в тени провозглашённого превосходящего Знака.** Конечно, ложь для человека – необходимость. Иначе он не поймёт цену нравственности. Но познавательный-учебный «поход в ложь», как в детской игре «понарошку», предполагает обязательное возвращение к состоянию максимальной жизненной готовности – обновляться не в «картинке», а в бытии. Без предварительных сценариев и гарантийных обязательств, вроде клятв, присяг или мракобесных психотехнологий – ритуалов и инкарнаций. В картиночном конвейере псевдоним – **король безымянности!** – делает меру лжи **безмерной.**

Внимание, максимальное внимание! Ложь без меры представляет из себя безмерную опасность.

Безнадёжны одинаково: и человек, умирающий в надежде на чьё-то превосходящее Имя, и общество, что склонно к переименованиям. Начало утраты собственного имени – это начало приобретения собственного бессилия. Да, разве что только бессилие и может стать собственным, если плакать и смеяться больше не над чем. **Форма контролирует форму** –

переименования и переодевания правят бал. Форма определяет рамки поведения. Форма назначает цену поступкам. Форма тотально развешивает на базаре жизни свои ценники. **Где такое возможно?** Псевдонимы хохочут! Битва имён зла не помнит, а война псевдонимов – злопамятна. Всё учтётся в окрепшем условном, обернётся, как надо: кому – окрик, кому царские льготы. **Имя Зверя**, похравшего все имена, безупречно едино для всех.

Псевдонимы легки и доступны. Быть не собой, чтобы вдруг измениться, - искушение для многих азартов. В начале человеческого пути ремесло с лёгкой охотой подчиняется играм фантазии. Но у многих ли фантазия подчиняется ремеслу в конце этого пути?

Всё тайное становится еще более тайным. А мир псевдонимов – всё более явным. Показ с показухой в браке. И дети их так многочисленны! У псевдонима столько глаз, сколько он их себе нарисует. У псевдонима столько рук, сколько он их пожелает иметь. Он берет для себя, всё, что видит в реальном, он вокруг раздаёт – всё, что изображает. Псевдоним – бог обмана!

А природа молчит... В этом – мудрость её. Всё, что названо, то – псевдоним. Всё, что понято, то – безымянно. Что же Именем звать?! Может, то, что избавит глухих и слепых от недугов? От безумия разум, от бессердечности сердце. **Имя – это ты сам!**

Примитивные люди когда-то боялись навлечь на себя сладкий яд псевдонима – имя дьявола били его же оружием. Называли нечистого **Он**. Применяя коварное **«как бы»**, отнюдь не к себе.

Кто же сегодня князь мира сего? У зеков – клички, у подростков – аватары, у больших и серьёзных – звания и должности. Псевдоним – наивная смысловая кукла, муляж – но сколь эффективен! **Подсадное имя.** На которое летят хищники, или дичь. В зависимости от поставленной задачи. В какой-то мере псевдоним – средство военное, охотничье. Псевдоним есть попытка маскировки от судьбы или попытка её изменения. Имя – это несомненный ключ к формированию характера, связей и некой космической «включенности» человека в поток жизни. Паразит же путем имя-подмены переключает все эти блага на себя. **Перечислим кое-что.** Благополучие, благозвучие, благочиние, благородство, благодарность, благовест, благорасположение, благовидение. **Много!** Возможно, по отношению к карме, если таковая имеется, псевдоним помогает оригинальной судьбе тунеядствовать в течение всего срока её пребывания в жизненном теле. Так военные создают ложные позиции, уходя от позиций благородства и прямого соперничества. Псевдоним создаёт ложную судьбу. Которая, в принципе, не может быть присоединена ни к цепочке реальных прошлых судеб, ни к будущим звеньям. И уж тем более показное и подставное не может стать родоначальником нового круга реальности – в показном не содержится семени. **Оно размножается копированием.** Рождение и смерть здесь не замкнуты в гармоничное взаимоудовлетворение. В мире выдумки выдумкой всё заводится и выдумкой всё заканчивается.

Притворщики ловки. Они, как ленивые, но амбициозные гонщики, стараются незаметно «срезать» соревновательную дистанцию бытия, чтобы

прийти к наградам первыми. **И – приходят.** Но – уже не они сами, а их «расчеловечившаяся» кукла. И награды получает тоже она. Старики перед смертью иногда раскаиваются в своих бессмысленных кукольных «рекордах». Увы. **Раскаяние не засчитывается в результат.** Скорее всего, на дороге в небеса даже оштрафуют.

Обладатель псевдонима выражает свои достижения, прежде всего, внешним образом. В то время как обладатель Имени стремится к внутренним результатам.

... **Сотрудничество** имени и псевдонима безопасно и продуктивно только в одном случае – если безраздельная власть принадлежит Имени. Тогда зачем псевдоним?!

Имя смерти не боится!

Присмотритесь: именинник весьма отличается от псевдоименинника. Имя, в отличие от псевдонима, окончательно. Поэтому оно идеально подходит для реальности. А псевдоним хорош для миражей. Подмена настоящего ненастоящим достигла апофеоза. Если ещё не так давно за псевдонимом стояла всё-таки реальность, то после многократного «переформатирования» изображаемой жизни, за ним стоит – пустота.

Псевдоним позволяет давать делу названия, **не делая самого дела.**

В лучшем случае, делая проект только раз – ибо высшей целью показухи является **создание вспышки и шума**, имиджа и пиара. Недаром же именно сегодня так бойко продаются планы и проекты. Трудоёмкое воплощение отделено от фантазийной «подсады». Деньги, энергии и образовательно-амбициозные порывы перемещены почти целиком в «фантазийный отдел»: курс – безумие, крен - на один борт. **Чёлн бытия** того гляди перевернётся. Времена маниловщины, дорвавшейся до главного руля, в расцвете!

Псевдоним – дитя вертепа. Представьте, что вы в начале собственной жизни **отправляете заказное письмо себе самому** с трогательными пожеланиями - «быть умным, быть честным, быть красивым, быть верным...» Письмо отправлено. И пока оно идёт, адресат учится, взрослеет, пересекает пустыню подросткового максимализма, океаны соблазнов, горы служебной рутины и, наконец, приходит к точке встречи с отправленным когда-то письмом. **К итогам.** А получать-то и некому! Все пожелания были адресованы совсем другому. Не псевдониму.

У показательности нет внутреннего мира. Весь мир показухи – целиком внешний. Если опытный и сильный псевдоним утверждает обратное – это ложь. Внутренняя ложь, которая лишь имитирует внутренний мир, не переходящий через рубикон забвения и смерти. **У псевдонимов нет реальной истории.**

И на финал. Молодой человек спрашивает пожилого человека: «Как зовут тебя?» – «Не своим именем» – отвечает тот. – «А чем занимался ты?» – «Не своим делом» – опять отвечает старый. – «Где же ты жил?» – «Не на своём месте» - «А какие слова говорил?» – «Не свои...» – «А мысли? А чувства?» – «Всё – не своё...» Подменить легко, разобраться трудно.

И позитивное. Без притворства, как ни странно, жизни нет. Ба! Поднимает ввысь только выдумка. Но и опускает она же. Псевдоним делает тебя свободным от себя самого – этим можно пользоваться, но нельзя в этом жить. Имя обогащается псевдонимом, а не наоборот. Их отношения между собой – хозяин и пёс. Феноменальное «как бы» в чём-то сродни шаманскому зелью – способ «выйти из себя». Но не для того, чтобы не возвращаться. Не вернувшиеся – раздвоенные полузомби-получеловеки - двуличны. **Встречали? Два в одном.** Это ведь так модно сейчас! Говорящий от себя лично – душа-человек! Говорящий от имени демона – демон. Именно поэтому толпа демонична, а заражённые толпой, - демоничны от её имени.

Для сна:

Я - клон. Клоны не видят снов. Но каждое утро, просыпаясь, я обнаруживаю в своём сознании кое-что, чего ещё вчера в моей голове не было. Спящий мозг — словно ловушка. Он ловит странные фразы, причудливые образы, вполне законченные формулировки и мысли. Это ярче того, что глаза видят здесь. И я знаю: это — не моё. Однако пойманное назойливо крутится и бьётся внутри черепа, ища выход. Чтобы избавиться от невидимой «моли» внутри черепа, я выпускаю её в мир дня. Диктую, пишу. До следующего утра можно жить спокойно.

Сон: «Молча умер для высшего Высший. Идолы громкую цену теперь набивают. Почему же богатый у бедного просит, как милость: «О, дай же мне — дать!»

Я — толпа. За мной гонятся одиночки. Вокруг меня одиночки. И впереди меня одиночки. Цель нашей гонки — поклонение умершим предкам. Каждый хочет успеть прийти первым. Я — самый сильный и самый хитрый. Я — толпа. Стоит мне начать двигаться чуть быстрее и первые сдаются. Стоит качнуться, или остановиться, — одиночки разбиваются. Я — толпа! Так я расту. Одиночки не могут меня победить. Предкам никогда не вырваться из моего рабства.

Сон: *«Благородство и низость — одно, если знаки важнее поступка. Состоявшийся в собственном мире, состоятелен всюду. Ни к чему говорящим рукам говорящий язык».*

Я — чужой. Тело моё летучее, невидимое для земного зрения. Потому что оно напоминает сгусток дрожащего эфира. Пока есть сгусток этих дрожащих друг в друге волн, есть и моя жизнь. Земля пустынна. Очень редко удаётся найти здесь развлечение для себя. Волны земной жизни иные, они невидимы для моего зрения. Отчуждение непреодолимо в принципе. Но мы знаем друг о друге. Потому что блуждаем, играя. Или играем, заблудившись.

Сон: *«знаком равенства можешь убить. Невозможностью вечного — жить. Не окончательно то, что внутри окончательных форм».*

Я — палач. Веду урок арифметики и патриотизма в начальных классах. Дети внимательно на меня смотрят. Молча записывают вопросы. Объясняю. Диктую. Спрашиваю: «Кто патриот? Молодцы!»

Сон: *«Ложь засекречена трижды: духовная ложь! разумная ложь! орудийная ложь!»*

Я — отец. Я хороший отец. Любящий и желающий ребёнку только добра. Как оградить мне дочь свою от разрушающего влияния низких стереотипов, моды, религии, пропаганды? О! Я в отчаянии. Спасение — в бегстве. Мы беседуем и дочь согласна жить в полном уединении, в природных условиях, в небольшом нашем загородном романтическом домике. Здесь полно старых бумаг и книг. Они уже безопасны, потому что мертвы. Моя профессия — писатель. Я более остальных понимаю меру риска заражения ребёнка всем «бесчеловечным» из настоящего. Поэтому решаюсь оставить её, восьмилетнюю, жить в изоляции от общества. Одну. Суета и работа не дают мне возможности навещать ребенка постоянно. Мы видимся эпизодически, раз в несколько дней, когда я приезжаю на десяток минут, чтобы спросить: «Всё хорошо?» И она отвечает: «Хорошо». С тяжёлым, неуверенным сердцем я торопливо, словно стыдясь её детской доверчивости, возвращаюсь в городскую суету — добывать средства. Так проходит неделя, другая, третья... Навещать «спасённую» почти некогда. Однажды, в очередной раз фальшиво-бодро прощаясь, я, любящий отец, на пороге вдруг осознаю: боже! за всё это время ещё ни разу не привозил для неё продукты! Почему не сказала?! Почему ни разу не пожаловалась, не попросила?! И одета, смотрю, не по сезону. А в доме холодно, отопления нет. По ночам уже случаются заморозки с инеем и снегом... В соседних домах — ни души. Ах, негодница! Встретились мы с дочкой взглядами. Взгляд у неё чистый, прямой, спокойный и прозрачный, как осенний ледок, отражающий небо. Я,

осторожно спрашиваю: «А что ты здесь... кушаешь, дочка?» Она спокойно так отвечает: «Бумагу, папа».

Сон: *«Слова — следы, а речь — тропы, дорога. Что там, поверх предметов и имён? Но до того ль охраннику дороги. Заботы, скорбь, переживание сует, мозоль на пятке — вот истинная важность! Предмет к неопишному ближе звука».*

Я — сила. Раненые мною люди, или погибают, или становятся стократ сильнее. Оба результата справедливы. Мой заклятый враг — слабость. Она тоже ранит людей. От её ран погибают все. Сила и слабость. Мы не можем сразиться друг с другом без посредников. Для этого нам нужны люди.

Сон: *«Не всякий огонь превращается в свет. Но свет — повелитель огня! Свет копится, прячется в плоти. Огонь эти клады находит».*

Я — экскурсовод. В музее стоят различные чучела богов. Скучным голосом поясняю очередным посетителям: «Бог-отец. Бог-сын. Бог-зять. Бог-деверь. Бог-шурин. Бог-кузен. Бог-свояк...» За простой показ пантеона — плата деньгами. За оживление экспоната — плата кровью.

Сон: *«Хитрым живу среди хитрых живых. Где б заработать побольше на хлеб и довольство? Только у мёртвых есть то, что ищу я».*

Я — плоский. Всё, что от меня осталось — это кадры военной кинохроники. На белёной стене, как вечный раб своих мучителей, я вновь демонстрирую ужас и смерть. Как былого фонарь погасить? Это время — прошло! Погасить! Погасить! На белёную стену, на плоскость экрана кидаются юные девочки, прощаясь с солдатом из прошлого... Я хотел бы стрелять в тех, кто это придумал. Патриоты назад не глядят! Слепота воспитателей — подлость. Детей заражают «долгом» перед покойниками. Девочки репетируют не собственное горе. Наслаждаются слезами и тоской. А покойников много, ох, много. И своих, и тех, что враги принесли в мою землю. Жизни хотят неживые! «Долг» внушают живым. Чтобы выпить их жизнь... Погасите фонарь! Патриоты назад не глядят!

Сон: «Искорка — это душа огневая, что пламя покинет последней. Пепел её не поймет. И огонь не поймёт. И, понявший связь пепла с огнём, — не поймет!»

Я — злой. Скоро зима. Жена умерла от болезни. Сын пьёт вино. Что осталось в наследство мне от отца моего? Только пила. Та, двуручная, та, что он, век одинокий, надвое сам разломил. Две пилы получилось. С одной рукоятью — любая. Умерли все! Одноручной пилой — по хромому наследству — орудую я. Скоро зима.

Сон: «Главное — проповедь слышать. Многие слушают то, как звучит проповедник. Глупость дороже науки».

Я — не Я. Вижу лишь, как «сбываются через меня» остальные: и ты, и ты, и ты...

Сон: «Грех не ласкать, но не грех и ласкаться! Уныние спорит напрасно с торжественной песней. Слабый умрёт, прославляя чужое».

Я — собака. Мне очень весело в новом доме. Люди пахнут различными обещаниями. Религиозная старушка излучает терпеливый ужас. Маленькая девочка, как умеет, успокаивает свою бабушку: «Бабушка! Не бойся! Подними юбку, собачка просто хочет узнать твой возраст!»

Сон: «Монологи на фоне текущего дня беспричинны. Полицейский влюблён в свой народ, полицей же трусливый — его презирает. Люди пишут законы любви, а любовь их читать не умеет».

Я — невидимый эскулап. Операция, как всегда, экспериментальная, поэтому никто не знает результата заранее. Суть операции состоит в следующем. Перешиваем нервные каналы. Очень толстый зрительный нерв подсоединяется к уху. После чего человек, предположительно, должен отчетливо «видеть смысл» не только в беседе, в тексте, но даже в молчании. Удача редка. На миллион операций — только одна успешная. Тому, кто всё-

таки «увидел смысл» в молчании, я пытаюсь перешить зрительный нерв прямо к языку.

Сон: *«Прабабочка бабочку вряд ли представить могла. Бабочка вряд ли прабабочку может представить».*

Я — болван. На перекрестке всех дорог стою без ног. Верчусь на колу. Кто ни спросит: «Куда?» — Отвечаю: «Твоё!» Кто задаст свой вопрос одинаково, тот и путь одинаковый будет иметь. Я — Великий Язычник! Спросишь — будешь убит. А расскажешь болвану рассказ небывалый — дам дорогу, какую никто не имел. Перекрёсток — не крест, а зерно.

Сон: *«Живущим несчастливо здесь, подлецы обещают загробное счастье. Верхом на несчастных счастливые едут. Всё ближе и ближе желанный рубеж!»*

Я — энциклопедия. Обожаю читать тех, кто берет меня в руки. Мой «гардероб» не так уж и плох. Старые платья в цене. Да, только платья... Нового, в принципе, нет. Вот уж тысячи лет нет новостей! Ни одной. Только техника, только цифры, только флаги и даты, да россыпь имён. В мире ангелов люди остались бесплодны — черны изнутри, хоть и умелы. Человек не пришёл. Я читаю читающих. Кто когда-то «держал» пряжу слов, кто умел её ткать и носить — те ушли. Юный мальчик сегодня читает меня, чтобы было ему «глубоко» в век картинок и истоиво значащих реплик.

Сон: *«Духовность к холоду и голоду стремится. Душевность — тянется к теплу».*

Я — уличный портретист. Сажу на облаке и рисую тех, кто пролетает мимо. Вот маленький скромный клерк: «Кто я на самом деле?» «Ты — преступник, убийца. Ты — Тайная Личность». Вот заботливый муж, мрачный трижды папаша. — «Перекрёстный отец!» Вот герой, что всю жизнь отдал жизни завода. — «Имя твоё — Автомат!» Вот обрубок без рук и без ног, что проклятий земных не жалел. — «Ты светлейший, мой друг!» Ах, портреты, портреты... Облаками и светом пишу их по всем облакам. Кто в портрет

заглянул свой, тот, веря в заоблачный путь, вдруг валится в ад повторений. Я люблю себя сам. Потому что никто портретисту не скажет: «Спасибо!»

Сон: *«Дждидай Аллах сказал дждидаю Будде: «Долой войну! Посеем огород! Пожнём душонки, сбегает, как люди, к Иешуа — он, выпивший, поёт!»*

Я — дух рыбы. Мне строго-настрога запрещено подплывать к Земле. Но я всё равно подплываю. Потому что я стал почти ручным «помоечником» — питаюсь отходами людей, их эманациями: молитвами, страхами, волнами горя или фанатизма. Не надо трудиться, рисковать, охотиться. Мы все, сблизившись слишком сильно, утратили самостоятельность. Люди меня прикормили. За это я иногда подплываю к ним совсем близко и даю им погладить себя. «Чудо! Чудо!» — кричат люди. Этим тоже можно питаться. Это — моё лакомство.

Сон: *«Простак не прост! Естественность имеет вход в искусство. В конце концов объявится и выход — искусство естества».*

Я — патефонная игла. Полтора века я, вибрируя, исправно «читал звук» на граммофонных пластинках. Но что-то вдруг произошло. Подо мной с бешеной скоростью вращается световой диск. Я не могу его прочитать. Не могу! Кончился век, когда время «читали собой», звуча и вибрируя. «Готов измениться!» — кричит в пространство мой опыт. А световой диск, как не слышит. Я царапаю небо и землю, я царапаю память в отчаянии: «Ш-шш-шшш!» Неужели разбилась пластика моя?

Сон: *«Как посмотреть? — задача мастера. Поскольку трудность мастерства: как показать?»*

Я — окаменевшая истина. Изнутри я весь наполнен особой субстанцией — чувством собственной правоты. Она, эта правота, заполняет каждую клеточку моего существа, каждый мой миг, каждую мысль и целиком — душу. Я — фантастика себя самого. Окаменевший, я бьюсь с себе подобными, и каменная крошка «твердых вер» и «твердых убеждений»,

искрясь и чадя, разлетается вон от таких столкновений. Раненый, в бреду иногда я слышу, как иная истина вокруг меня смеётся голосом мамы. И будто бы она — реальность.

Сон: *«Правдивость ответа не зависит от правдивости тех, кто ответит. Она зависит лишь от правдивости жажды спросившего».*

Я — хаос. Мой враг — смысл. Материя внутри меня часто «заболевает разумом» и начинает «наводить порядок». Это — смерть. Опухоль смерти внутри жизни. Поэтому смысл не может быть вечным. Иначе я тут же умру. И жизнь прекратится. Порядок и смысл живут за мой счёт, но не умеют этого признавать. Смысл ужасен! Он всеяден. У него всегда есть осознаваемая или неосознаваемая потребность в чём-либо. Так «смысл» выдаёт свою сущность — это голодная и хищная пустота, которая готова засосать в себя всё, что угодно. Сожрав материю, смысл строит «порядок» в невидимом. Чтобы сожрать и его.

Сон: *«Картина — это то, во что тыходишь сам. Картинки же, как черви, лезут в мёртвых сами. Живой от трупа отличается наглядно: инерции в нём нет».*

Я — революционер. Меня, интеллектуального рецидивиста, судят за чужую ложь. Я знаю свой приговор заранее. Поэтому в последнем слове говорю без оглядки на снисхождение: «Господа! Правда не нужна никому! В будущем её нет и быть не может! В настоящем она, как известно, именуется ложью. А, взятая из прошлого, она вообще не годится для жизни. Правда отвратительна, господа! Потому что её нет нигде. Правда — это и есть самая главная ложь! Она всегда слишком временна. Или слишком угодлива. Правды не существует хотя бы потому, что не существует в мире окончательности... Банально, господа!» Меня, как ни странно, оправдали с формулировкой: «За правду о лжи».

Сон: *«Что это?» — «Твердь. Материковое небо. Не острова» — «Кто это?» — «Ты!»*

Я — толмач и актёр. Три тысячи лет назад, обращаясь к толпе, восклицал я: «Дух, о приди!» Но эти высоты исчезли. Сотни лет я читал с упоением вслух или сердцем «духовные» строки. Но и эти высоты исчезли. В дело техники, в войны и время я «вкладывал душу». Но и эти высоты исчезли. Больше нет высоты. Слово снизилось, ставши жаргоном. Стал «жаргоном» и я, суетливый. Черти красные небо разбили, осколки назвали «духовкой».

Сон: *«Блудный отец возвращается к сыну. Работою мыслить удобней вдвоём. Никто о прощении даже не вспомнил: обида — делам не помощник».*

Я — архангел.

— Почему ты при жизни мыслил толпою, когда следовало мыслить лишь собою самим?

— Надеялся побыть собою на небе...

— Дурак! Небо — это и есть толпа! Ну, а кто у вас там сегодня самые последние?

— Эти... Честные, талантливые, порядочные, здоровые, светлые...

— Хорошо. Не надо им лезть в первые. Быстро испортятся. Вроде тебя будут. Тьфу!

Сон: *«Деньги есть зубы дракона. Выгоду сея, пожнёшь непорядочность. Помни: редко, счастливо проживший, счастливым умрёт».*

Я — амфибия. Душа моя — доякодышащая тварь. Очень удобно! В атмосфере лжи я дышу ложью и вполне счастлив. В атмосфере правды я дышу правдой и мне тоже весьма не плохо. Боже! Как я жалею «однодышащих»!

Сон: *«Падальщик кружит над падшим. Падший уверен: его вознесут!»*

Я — чудище. От себя самого рождённое. Одна рука дающая, а тысяча рук — берущие. Ни одного уха слышащего, все — подслушивающие. Миллион глаз — следящие, а любящих нет. Вот и детки уж рядом. От самих от себя нарождённые. Чудища!

Сон: «Умный требователен к себе и снисходителен к другим. Дурак: требователен к другим и снисходителен к себе. Дорога в обе стороны свободна».

Я — глашатай. В том городке, где мне подают на пропитание и считают сумасшедшим, я часто говорю с прохожими, заговаривая первым.

— Последние становятся первыми не сами по себе, а в результате глобального переворота. Зависть и бесстрашие одних позволяют преодолеть бастион страха и самодовольства других.

— Последние становятся первыми? Что это значит? Они что, неожиданно обгоняют всех остальных?

— Ха-ха-ха!

— Почему ты смеёшься, глашатай? Или они перевернут мир?

— Он сам перевернётся. И последние окажутся наверху. Вынуждены будут взять управление на себя. Бедные, честные, эмоциональные, дети Творца... Через несколько тысяч лет, увы, они тоже ослепнут и окаменеют от пребывания в «тёплом» месте. И завистник будет вновь бороться с завистником. Разум помутится от себя самого, как уж было. И мир опять перевернётся на другой бок. И всё повторится.

— И часто мир так ворочается?

— Часто. Вши одолевают.

— Мы что, глашатай, все тут вши по-твоему?

— Да.

— Ах ты!... Сам-то кто будешь?

— Я — вошь иного мира! Последние вечны, как зёрна.

Сон: «Привычка встречаться друг с другом прекрасна! Зачем же делиться любовью, упав на колени и страхом от страха спасаясь? Обыденность нормы полезней поднять над собою!»

Я — книга с картинками.

Жили-были разные: левые с правыми, правые с левыми — парами, но все вместе. Рука с рукой, нога с ногой, око с оком, плечо с плечом... Удобно жить в паре! И только Голова с Сердцем жаловались: «Ах, как мы одиноки!» Дрались меж собой и мирились. Дружили и ссорились. Все что-то делили. Не подходящая вышла пара.

Сон: *«Мгновение поймано в клетку искусства. Во времени прячутся призраки плоти. О вечности спорят ловцы и торговцы. Мгновение щедрое выпавших примет обратно.»*

Я — немой. Хожу, слоняюсь среди людей. Молчу. Именно так я не говорю им правду. Почему? Потому что они не способны её знать. Но когда на Землю придёт Человек — я заговорю.

Сон: *«Жизнь — это только гнездо. Живые птенцы покидают его, паникуя.»*

Я — хулиган. Люди часто жалуются, что они попали в «замкнутый круг». Обычно, их «замыкание» лежит в плоскости горизонта. Над «плоскими» очень весело подшучивать. Стоит поставить их замкнутый круг «на попа», как они сразу же начинают твердить, что «знают истину».

Сон: *«Где нет открытия огня, там нет и главного — меня!»*

Я — спортсмен. Водитель спортивного танка. Спортивная бомба, моя или моего противника, решит исход жизни. Мы умираем из спортивного интереса.

Сон: *«Любовь, как свет, обнимет без разбора: и грязь, и тьму, и жертву, и царя. Родство чем выше, тем безмолвней речь. Чужие многословны неспроста.»* —

Я — кулинар. Нужно срочно изготовить слоёный пирог. Форма пирога шарообразна. Это — Земля. Для начинки замешиваю эгоизм погорячее, а корочку материков, океанов и атмосферы делаю многослойной, как

луковица. Это — память Земли. Пирог готов! Ближайший пир покажет, насколько хорошо и аппетитно всё получилось.

Сон: *«Пророчества мёртвых пророков слышнее в год мёртвых времён».*

Я — директор завода. Сначала мой завод выпускал тончайшие электронные изделия. Умные, талантливые люди, способны были создавать гениальные работающие схемы, потому что сами были соединены в такую же схему. Однажды своих комплектующих деталей не стало. Как жить? Стали собирать своё из чужого... Дружные люди почему-то распались. Изделия стали ненадёжными. «В чём дело?» — спрашиваю подчинённых. Отвечают: «Элементная база подводит!» Присмотрелся — точно: собственные «атомы» подменили и в воспитании, и в образовании, и в политике, и в промышленности... Всюду! Как управлять? Атомами управлять никто не умеет.

Сон: *«Жизнь порождает детей. Смерть порождает рабов. Дети жизни умножат живое. Дети рабов остановят живых. Разве жизнь назовёт своих деток «рабами»?!».*

Я — гроб. Знакомства мои с миром людей так обширны, что всех я не помню. Зато все они помнят меня. Падшие мне поклоняются. Дети со мною играют. Продажные — сыплют в меня подаяние. Зрячий меня не боится, а слепому я — страх. Перешедший меня, отделит своё имя от цифры и клички.

Сон: *«Денег у Бога нет. Сатана покупает для Бога веру. Своё получают трое».*

Я — календарь. Видишь ли ты верстовые столбы в веществе протяжённых иллюзий? Это — числа, убийцы свободной реальности. Числа диктуют сценарии чувств и спектакль поведений. Кто устоял перед твёрдым диктатором — цифрой? Никто. Пьяница купит вино и целует меня в день большого безделья. Обыватель, как в зеркало сна, смотрит в числа мои, чтобы видеть себя с фейерверком. Знаки делают сон очень твёрдым. На время числа.

Сон: *«В механической этике сила машины. Нужды совести правят обряд. Истоки плодят паразитов. Одинокое в бегстве к неведомым стадам. Сонм бесправных поглотит любое из правил».*

Я — сумматор. Голова моя ранена страстью копить. Государство — огромная большая бочка с мутной внутренностью: ниже дна не опустишься, выше крышки не поднимешься. Поэтому я коплю всё, что успеваю схватить: опыт, время, историю, мысли, технику, деньги, фантазии... Я — государство себя самого внутри этой бочки. Мы не любим друг друга и прячем друг от друга свои сокровища. Потому что мы одинаковы. Но! Как государство я, малый внутри большого, больше того, что меня окружает. В море смерти дать «жизнью от жизни» труднее, чем взять .

Сон: *«Хороших людей порождает любая эпоха. Порядочность выше и крепче порядка. Старик видит свет, оглянувшись».*

Я — прилавок. Знаете, сколько у меня полок? Не сосчитать! Когда люди рождаются, они приходят к моим полкам, чтобы взять себе понравившееся. Обычно берут без разбору: руками — вещи и деньги, мыслями — всё, что годится для войны самолюбий и выгод, а душою — отраву иллюзий. Люди ненасытны в своём желании брать. И поэтому они беспомощны в час, когда следует дать, повзрослев. Что же дать им по силам и росту? Не много. У прилавков, что с самого низу, всегда толчея. Бюсты из бронзы и гипса, слова из серебряной пыли, бумаги, скреплённые клятвой и страхом, исчадьё наследства, кричащая ложь и молчащая щедрость — всё и вся ищет «сделать свой вклад» на прилавок текущих времён. Стать историей после прощания с мигом. Как бы не так! Не поднимется бронза над прахом. Вещью вещь измеряется лишь. Глубиной глубина постигается вниз. Глубиной глубина постигается вверх. Ах! Обидно поставить свой памятный бюст «на века» среди полок с колбасами, или рекламой колготок. Выше, выше поднять бы! Да нельзя. Что тяжёлое, то не парит. Вышние полки ему недоступны. Бронзовый бюстик среди складов и мысли, и духа держаться не может — провалится тут же с позором. Тут ни деньги, ни власть не помогут. Как же сделать свой вклад не в навоз, а в историю века? У прилавков надземных законы суровы. Всё забудь, чтобы дать! Чем свободнее руки твои, тем полнее душа. Ставь плоды её сам, где понравится!

Чу! Кричит человек, как урод: «Помоги!» Руки тела его и сильны и длинны непомерно. В рабстве рук этих — разум и чувства — слепой и глухой. И душа коротка, как обрубок.

Высоки мои клады и щедры. Люди брать кое-что научились, сотрясая моё основание. А павшее вновь делать высшим и ставить на место — увы. Проедающих больше, чем просто едящих. Как помочь? Нижний прилавок чуть-чуть подниму, верхний прилавок чуть-чуть опущу. Берущий с дающим в одном человеке успеют сойтись.

Сон: «Ступай, работай в мире, не убивающий огонь, — стыд от стыда. Прозреть себя нельзя, коль не прозришь другого. Ложь допустима, фальшь смертельна!»

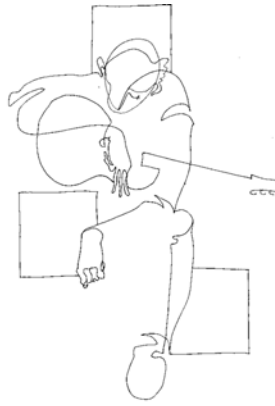
Я — художник. Бумага, или холст под моей кистью, — это не плоскость. Это — плоскость перехода между мирами. Плоскость! Я — «плоский» художник... В этом-то все и дело. Суть моего творчества заключается в умении поймать во время перехода из мира в мир «глубоких» жителей нездешних мест. Они гораздо проворнее моих умений и сноровки, поэтому приходится хитрить, использовать в качестве приманки себя самого или даже идти на прямое браконьерство.

Те, что живут, например, выше моей плоскости, одинаково неуловимы в грехе и в святости. Их глубина неподсудна для меня. Они неуловимы в форме и независимы в своём содержании. Пойманные в плоскость картины, они становятся неподвижными, как редкие бабочки дорогого гербария. И мои ценители восклицают в восхищении: «Талант! Красота! Мы даём за это цену!» Иногда эти пленники пытаются освободиться — меняют расцветку, пробуют элементы движения, споря с изображённым... И люди кричат тогда в исступлении: «Чудо!»

Плоскость — условие шторма. Это просто понять. Если между мирами спокойно, то штиль, белый лист остаётся белеть предо мной, как Ничто. Если шторм — это лучшее время художников плоских. Можно ловить! Можно скрещивать ангелов с рыбами. Можно монстрам из плоскости волю давать. Что же кажется мне глубиной? Всё, что плоскости ниже, или выше. В глубине шторма нет, даже если шторм мучает грани стихий. Глубину узнают по покою.

Как же мне рисовать глубину? Настоящее что? И ненастоящее что? Изображение между одним и другим — это что?!

Плоскость мечтает о том, чего нет у неё. Всякий плоский не верит объёму, но где поселяет мечты он? Несомненно, лишь в том, что воспето неверием — лучшею песнею веры.

Сон: «Убийство наполнит восторгом дикарскую душу. Убийство души наполняет восторгом дикарскую плоть. Симфония мира — восторг непрерывный!»

Я — вирус. Первый в цепи героев. Я поедаю нравственность. «Братья меньшие» — вирусы разума и вирусы плоти — приходят к тому, что осталось от славной победы моей.

Гигиена небес опустилась к подъёму расчётливой тверди. Грязное небо отныне становится дном. Воспитание грязью питают.

Великаны бессильны пред вирусом слов.

Сон: «Золото в слитках даю неимущим, но не могут принять ослабевшие дар мой весомый. Поступаю ужасно — чистое золото в мелкий песок превращаю...»

Я — будильник. До того момента, пока меня хозяева не перевезли меня в свой загородный дом, я исправно тикал на прикроватной тумбочке. Время мое было неостановимо, напоминания мои — неотвратимы. Люди жили по моей подсказке: вставали и ложились, шли на работу и садились за обеденный стол. Глядя мне в лицо, вспоминали о задуманном. Я был властелином их ритма! И вот... В деревенском доме я продолжаю стучать, отбивая секунды, часы и недели, а время — стоит! Моя власть покачнулась. Час «растянут» как день, год похож на простую минуту. Почему? Из окна старой избы видны мне лишь куры, сосед и соседка, хлопоты, близкие к хлопотам тварей. Да ещё тишина, что подобна смирительной вязке. Тик-так! Внешняя суета вдруг становится минимальной и очень простой. Естественной и почти бессловесной. Тик-так! От «смирительной вязки» природных часов унимается бег суетливый во внутреннем мире. Тик-так... Ах, как мало событий, как мало эмоций снаружи. Голод, сенсорный голод! Но тянется мука не вечно. Изнутри вдруг приходит спасение — внутренних много событий теперь! Внешнее время утратило власть. В каждой секунде всего изобильно: шёпот трав, крик домашней скотины, песни ветра и туч, разговор о погоде и драка котов... Боже! Сколько всего!

Сон: «Фальшивые ценности стоят дорожке. Moda играет на том, что «душа не на месте» Расколотый миг наделяется неполнотою».

Я — искушитель. Вокруг меня адепты, вокруг адептов — ещё адепты. Те, кто лишён возможности видеть движение бытия разумом, «видят» его муляж — статичные картины «истинной» веры. Все вместе — толпа. Я искушаю толпу — и видящих, и слепых — очень просто: «Сделай свой выбор!» И они выбирают: верх, или низ, тьму, или свет, жизнь, или смерть, воду, или вино... Так я получаю свою власть над ними. Потому что любой «выбор» ведёт в тупик. Любой! Они не догадываются, что Путь — это жизнь вне выбора. Когда не ты выбираешь дорогу, а она сама тебя «берёт».

Сон: «Седые волосы. Седые чувства. Седые мысли и желания. Гармония... Ну, наконец-то!»

Я — замочная скважина. Через меня очень удобно подглядывать и подслушивать. Поэтому я вижу глазами подглядывающих и слышу ушами подслушивающих. Меня никто и никогда не откроет, потому что ключа не существует — я отделяю один мир от другого. Ага! Вот новый ребёнок захотел секса для себя самого — двое в ином мире стали притягиваться друг к другу... Но что это?! Они тоже захотели «секса для себя самих». Значит, они не захотели ребёнка. Значит, они воспротивились жизни. Мир перевернулся! Я много раз видел это. Жизнь — верхняя точка равновесия. Она очень уязвима. Поэтому, чем сложнее система, тем больше она заботится о своём абсолютном балансе. О! Как высоко вибрируют, как поют, разведённые на дистанцию эволюции, основания миров! Высшие вибрации так называемого ада противофазны вибрациям так называемого рая. Они равны в своей силе. В каждой из них материя противоположностей «выгорает» дотла. Я видел: в перевернувшемся мире мёртвые родители сами «решают завести для себя» ребёнка.

Сон: «Авторства нет. Самозванцы обложены тяжким налогом. Под залог обещаний преступники вновь на свободе».

Я — картина. Но я люблю называть себя Книгой. Подойди и прочитай... Ах, я оговорился! Правильно понимать следует иначе: подойди и — «прочитайся».

Сон: *«Дети охотно играют с грязью. Грязь получает душу».*

Я — видеокамера. Всю свою жизнь я снимаю-наблюдаю один и тот же сценарий. Он называется «Семечки». Люди грызут их в городе и в деревне, на служебной высоте и сгорбившись на завалинке. Шелуха летит во все стороны! Лица грызущих, словно повторяясь, отражаются друг в друге — в каком-то окончательном животном самодовольстве. Они грызут не только ртом. Грызут «семечки» своих воспоминаний, иллюзий на завтрашний день, щедрую россыпь ненасытных желаний и инстинктов... Всё вокруг, и на земле, и на небе заплёвано шелухой!

Сон: *«Был бы ветер. Графоман переправится в знаки. Снасти наклонные делает разум склонённый».*

Я — пузырь. Мне нужен дом. Постоянный и просторный. Поэтому я его «надуваю», как могу. Своим рабам я шепчу прямо в склад их мысленных желаний: «Вдох, вдох! Только вдох! Ещё!» И они — надуваются. Настоящие патриоты! Под страхом греха и предательства — о выдохе даже думать запрещено. Вдох, только вдох! До самого предела. Ресурс всякого, подчинённого мне пузыря, должен быть заполнен и не обновляем. Мы складываемся в пенного колосса. И это — наш дом, наша Родина.

Сон: *«Отражение точки — точка. Отражение сферы — сфера. Отражение мира — мир».*

Я — искра. Обожаю поджигать «сухих»! Как правило, они очень обидчивы и самолюбивы. Бывало, едва чиркнешь по такому, а через мгновение — уже лютый пожар внутри у кого-то гуляет. Красота! Сухие чувства, сухие мысли, сухой взгляд — всё годится для пищи моей. У «сухих» внутренний мир, словно степь без дождя. Самоопасен в своём омертвелом бесплодии. А всего-то дел мне — живую искорку бросить. Пых! И уж нет

ничего: ни соломенных мыслей, ни бумажного имени, ни самого желания жить... Что тут скажешь? Только зелёная трава не горит.

Сон: *«Кто ударит, тот и правит. Кому по лбу, кому в лоб, ходит в барирах холоп. При погонах, при дворце — с маской чести на лице».*

Я — тело. За время своего существования мне приходится переживать несколько сменных голов. Родился — получил первую голову. Пошёл в детский сад — сменил первую голову на вторую. В школе — третья голова вместо первых двух. В институте — четвертая. В семье — пятая. На работе — шестая... Много голов! И менять одну на другую интересно. Но однажды в каком-то храме, или государственном учреждении, или даже в тюрьме чуть было не пришили на веки-вечные одну-единственную, одинаковую для всех «глупышку», — на все случаи жизни: и для садика, и для работы, и для общения. Едва-едва старую свою «думалку» на плечах от беды неминучей унёс.

Сон: *«Законно: бессовестны прошлое с будущим. Законно: травить настоящее блудом. Законно: безнравственна выгода, но не преступна. Законно всё то, чего нет».*

Я — образец. Облик мой совершенен, а суть моя прекрасна. Но однажды подошёл естествоиспытатель: «Эй! А что у тебя внутри? Я хочу знать правду!» И он разрубил и разорвал совершенный образец на безобразные части: «Как ты гадок!» — сказал он, — «Никогда не думал, что стремление к правде может приносить такие отвратительные результаты. Эй! Стремись создавать новые образцы прекрасного и стремиться к ним... Эй!.. Эй, ты меня слышишь?»

— Правда отвратительна, — сказал я.

— Да?!

— Да. В будущем правды нет. Настоящее в ней не нуждается.

Правду всегда достают из могилы! И всякий раз она — ложь.

— Да?!

— Да. Этой падалью кормят людское стадо.

Из мёртвых осколков естествоиспытатель собрал действующую модель новой жизни: «Как она прекрасна!» — воскликнул он в восхищении.
— Правда? — спросил я.
— Да!!!

Сон: «Страх уменьшает рост человека. Лень уменьшает рост человека. В страхе и лени мечтает он быть Человеком!»

Я — вахтёр. Распределитель самой низкой квалификации. На меня непрерывным шумным потоком идут всевозможные поэты и прозаики. Моя задача — распределить их на два рукава. Один рукав удаляется от меня в дверь с надписью «Диагноз», другой уходит в дверь с надписью «Приговор». Платят мне мало, отпуск не дают, за человека не считают — ненавижу писак!

Сон: «Объединяют людей три великих стихии: природа, пороки и смерть. Всё остальное — раздор».

Я — демон. Живу в океане ноосферы, дышу эманациями и мыслями, растворёнными в ней. С каждым годом дышать становится всё труднее. Океан заметно портится. От плодородной толщины верхних его слоёв зависит урожайность мыслей и всхожесть людских душ на поле земного времени.

Сон: «Илом становятся деньги, что вложены в ил. Интерес интересу не интересен».

Я — машина. Безнравственность — моё знамя. Я поднимаю мёртвых, даю им память прошлого и тело истории, чтобы могли они, восставшие, править настоящим. Жизнь машины — зеркальное отражение жизни. Я скопировал свою пирамиду с бывших живых и перевернул её вершиной вниз. Я — бесчеловечен. На самую вершину моего ада — во власть — люди опускаются.

Сон: «Чужой заражает чуждым. Зараза роднит заболевших».

Я — резонанс. В тот миг, когда грубые люди становятся тихими, я навеваю им сложные ритмы, которые в одиночку не исполнишь. Так они учатся владеть симфоническим слухом, чтобы петь на голоса — сообща. Люди ещё не знают, что взгляд — это тоже резонанс. И на приём, и на передачу. В большей степени отвечает за мир и гармоничность совместного существования именно резонанс взглядов. У людей они чаще всего насильственны, или обособлены до первобытности. А жаль. Симфония взглядов бесподобна! Увы. Я хорошо чувствую, как отдельные способные «солисты взора» страдают от не востребованности и одиночества. Как правило, в мирное время глаза людей абсолютно глухи для музыкального резонанса. Своё неосознаваемое увечье — глухоту глаз — люди стыдливо называют «толерантностью», «терпимостью». Так они сохраняют равновесие в испуганном стаде, где каждый слышит и видит лишь себя самого. Симфонии нет. Зато необычайно музыкальна война! Смерть на земле обожает петь хором.

Сон: «Зачем любовь переживает смерть? Зачем живой переживает жизнь? Любовь, отравленная сладостью вопросов, меняет путь».

Я — забвение. Ремесло моё ничем не отличается от ремесла тестомеса. Я — смешиваю. Взгляните! Люди толпы не нуждаются ни в чём: ни в личном имени, ни в личном времени, ни в личном счастье, ни в личной горе, ни в личном мнении. Меня часто обвиняют беспомощные глупцы: «Ты плохо говоришь о человеке!» Ха-ха! Человек и люди толпы — понятия несовместимые. В толпе человека нет. Я забыл его. Победы забвения — высшие. Они не нуждаются в напоминаниях.

Сон: *«Мёртвый, кусающий мёртвого, не повредится. Живой, с мертвечиной бившийся, четырежды мёртв».*

Я — нож. С каким умением и наслаждением я умею обрезать! Вы видите, как моё лезвие вонзается в плоть. Но вы не видите, как я обрезаю ваши мысли и чувства, когда мною размахивает политик или подлец. Слепые, вы благодарите меня за то, что я обрезаю ваши нежные души, едва ли не с рождения.

Сон: *«В городе совесть легко отдыхает. Сытая истина спит на полотах. Благо для блага — враги».*

Я — смертник. Капсула моей пыточной камеры — личная жизнь — попеременно трещит по швам то изнутри, то снаружи. В зависимости от того, как выполняет свою работу старательный палач — цивилизация. Швыряет, переворачивает, трясёт. Изнутри я то защищаюсь, как глубоководная подводная лодка, от страшного давления снаружи — чтобы не расплющило. То, как космонавт, наоборот, храню изнутри свою герметичность, боясь утечки и того, — чтобы не разорвало под воздействием внешнего вакуума... В небольшое потрескавшееся окошечко я вижу: вокруг меня — тысячи, миллионы, миллиарды таких же смертников! Приговорённых становится всё больше и больше. Палач начинает нервничать, каждый из нас это чувствует по участвующимся переворотам.

Сон: *«Молитва возбуждает низменные инстинкты высших существ. Важнее не то, где и кому ты молишься, а — о чём?»*

Я — поплавок. Люди ведь очень любят заниматься ловлей тех, кто обитает в соседних стихиях. С одной стороны я смотрю на ловца, который управляет снастью, с другой — вижу извивающуюся наживку, соблазн для добычи. Когда клюёт, я дёргаюсь. А знаете, что они насаживают на крючок? Не только червя. Снасть можно забросить и в облака. Чтобы приманить к себе невидимых высших существ, надо и впрямь лишь воспользоваться их низменными инстинктами — благородством, святостью, красотой... Люди так и делают: насаживают какую-нибудь искусственную приманку на крючок

своего ожидания, затихают... и, о чудо: клюёт! Остаётся умело подсечь и вытащить с того света долгожданный улов — Человека.

Сон: *«На сцене герой восхваляет героя. Терпения подвиг свершается в зале».*

Я — бумага. Что требуется для того, чтобы создать для себя приличную одежду — текст? За периметром толпы всегда можно найти подходящего «пустого» человека-авторуку, в которого нужно лишь заправить особую смесь — судьбы других людей. Для чего? Для того, чтобы человек-авторучка брал эти судьбы из себя с той же лёгкостью, с какой читатель берёт с полки уже изданную книгу. Всё теперь готово. Раздетая донага, бумага, я ложусь перед ним на стол... И — получаю свою одежду. В подарок, конечно.

Сон: *«Кит времени, помахивая прошлым, как хвостом, плывёт вперёд, а океан — стоит».*

Я — школяр. Идут очередные экзамены на незрелость. Всегда очень страшно завалиться, потому что зрелых — немедленно прогоняют. В так называемую земную жизнь. От страха я часто хитрю на экзаменах и незаметно подглядываю в «шпаргалку» — в то, что на земле уже овестивилось. Понимаете? Всё, что уже «можно», для меня, школяра, — нельзя. Схемы, ставшие видимыми, берутся из невидимых. На экзамене нельзя отвечать о том, что уже «есть», даже в невидимом. Все школяры знают: невидимое не может быть окончательным. Знают, и тем не менее, горят на этом.

Сон: *«Кто мыслит холодно, тот холодно живёт. Наука грамотности съёжилась до реплик. Что ж, голая зима тому желанна, кто до бесплодного горяч».*

Я — советник. Своему хозяину я всегда даю один и тот же совет: «Никогда не убивай тех, кто слабее тебя. Это — ослабляет!»

Сон: *«Поймать мгновение намного легче, чем отпустить его».*

Я — голова. Собираю срочное совещание: «Наша рыба гниёт! Что будем делать? Докладывайте!» Подчинённые по очереди отчитываются: внутренние органы, плавники, хвост, чешуя — всё в полном порядке. Но я, как руководитель, настаиваю, чувствуя проблему в целом: «И всё-таки она гниёт...»

Сон: *«Прочитан текстом человек. Злой возмущён от образов до образины. Глагол пути не внемлет азбуке молчаний».*

Я — круг. Из моей тюрьмы некоторые пытаются выбраться, подпрыгивая, или проваливаясь. Это смешно. Я легко и мгновенно превращаюсь в сферу. Но, в конце концов, всех нас помирят обыкновенная точка.

Сон: *«Раб собственного слова — царь рабу приказов. Толпу толпой не возлюбить. Собой дающий, не собой прибудет».*

Я — догма. В своих застенках я замучил миллиарды человеческих умов и душ. На ложный свет из прошлого охотно летят мотыльки. Я обманул их. Жизнь после жизни бессмысленна, так же, как смысл после смерти — бессмертен!

Сон: *«Зеркало видит тебя очень разным. Видишь ли в зеркале разность свою?»*

Я — лёд. В трудный час я покрываю собой течение моей возлюбленной — Реки. Все в мире знают, что мы — одно. Даже предавшие нас облака.

Сон: *«Природа бессовестна, та, что вокруг. Природа ли то, что во мне?»*

Я — руль. Забавно, когда устройство, которым я управляю — женщина. Она редко крутит руль при помощи разума. Но при этом способна пройти там, где мужчины обычно застревают. Догадываюсь: женщины в сговоре с сердцем. Они непобедимы. Потому что чутьё безошибочнее расчёта.

Сон: «Убитый шпагой и убитый пулей — не одно. Безнравственное — неприкосновенно!»

Я — технолог. По заказу своих хозяев — мира существ, не до конца умерших во времени, — изобретаю различных «петрушек» для мира людей. Религию, например. Чтобы бесплотные хозяева, недо-покойники, могли надевать чужую плоть и чужое время, как перчатку, на самих себя и — весело, как в раззолоченном театре, доживать в ритуалах и гримасах настоящего своё прошлое. Ну да, мёртвые так и манипулируют живыми для своей пользы. Собственно, это — людоедство во времени. Энергетический каннибализм. Мертвецы заинтересованы, чтобы живые принимали тьму за свет, были убогими, жили на коленях, поклонялись страху, до конца заполнялись бы прошлым и скорбели о самих себе в будущем. На земле эти технологии отработаны до автоматизма. Хотя, конечно, приходится изобретать и кое что новое: культы всё-таки постепенно изнашиваются и превращаются в бесполезный и даже опасный для моих хозяев хлам — в культуру. Но ничего! Всякий новый Петрушка убеждён, что именно он лучше всех. Этого достаточно. «Разделяй и властвуй!» — единственная толковая инструкция по поводу всего настоящего. Уж я-то знаю!

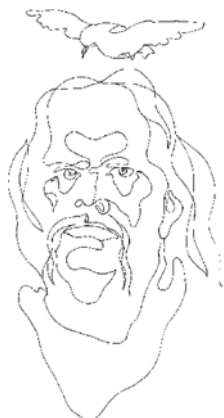
Сон: «Восходитель не тащит фанфары с собою к вершине. Пьедестал для почёта взведён, как капкан, у подножья».

Я — тень. Зарабатываю себе на жизнь тем, что нянчусь с чужим ребёнком. Это девочка. Очень агрессивная, из очень богатой семьи. Она ненавидит меня за то, что слишком занятые родители «откупились» наёмной прислугой от своих обязанностей. Я — эрзац их любви и заботы. Ненависть девочки своеобразна: она «натравливает» на меня свои игрушки. Чтобы те «разорвали», «загрызли», «порвали», «растерзали» обидную подмену. Я

терплю. Потому что девочка — такая же тень, как и я. Мы одинаковые. Но я предлагаю вслух нечто противоположное ненависти — беру игрушечного тигра и говорю ему: «А я тебя люблю! Я понимаю, как тебе трудно на меня рычать каждый день... Сейчас я научу тебя настоящей дружбе...» Но не так-то всё просто! Много раз, день за днём, мы начинали с девочкой одно и то же: «злую» игру превращали в добрую. Иногда нам и впрямь казалось, что мы — друзья.

Сон: *«Тьма любит почести, золото, власть. У храма есть стены и потолок. Ложь без охранников не уцелеет. Ниже религий душе не упасть.»*

Я — расстрига. Моего единственного малолетнего сына родственники, втайне от меня, посвятили в ритуал причастия. «Боже! — кричу я, — Боже!!!» У кого мне спросить: «Как же наследника верну я теперь из нездешнего вечного рабства?»

Сон: *«Злой гений восхищается собою. Восхищена другими — доброта.»*

Я — реинкарнатор. Есть такая специальность. Я обслуживаю процесс роста эволюции. Нормальная схема реинкарнаций линейна. Одно в другое переходит последовательно, поэтому повреждение в цепи перевоплощений хотя бы одного элемента гасит сразу всю цепь. Теперь это большая редкость. С тех пор, как изобрели «параллельную» схему, лишь имитирующую продолжение эстафеты жизни, развитие душ прекратилось. Что такое «параллельно»? Судите сами. Это когда при минимальном напряжении огромное количество клонированных «единоверцев» стремятся отдать ток своего бытия не своим законным живым наследникам, а всепожирающему единовластному демону. Смерть велика силой тока, жизнь — высотой напряжения. Ад не нуждается в реинкарнации. Скоро я стану совсем безработный...

Сон: *«Нет не волшебных вещей. Но есть не волшебные люди. С реальностью мирит эстетика грязи».*

Я — не полный. Взгляд у меня так поставлен, что самого себя я вижу, как резиновый стакан с постоянно-переменным содержанием. И других вижу точно так же. Мы все — не полные. И чего только не насмотришься подобным образом! То форма не держится, то испарится всё, то вытечет через трещину... Кто-то тысячу лет переливает неполное из одного стакана в другой... Кто-то собою готов соседа переполнить... Кто-то лопнуть стремится... А в результате — всё равно ни одного полного нет. Много нас! Каждый не полон по-своему. И вот что странно: почему же мы до сих пор вместе? Никакого ведь толку друг для друга. А если попробовать посмотреть ещё как-нибудь? Ого! Нас объединяет как раз то, что нас мучает, — собственная пустота! Недостаточность сильнее избыточности. Мы притягиваемся друг к другу не содержимым, а той своей частью, что ещё не заполнена. И не дай бог, когда-нибудь заполнится. Это Создатель хорошо придумал: неполный неполного никогда не наполнит. Ах, как удобно любить и дружить недостатками!

Сон: *«Свободного раба не существует. Однако счастлив дважды он: во время власти разрушений — раз, во время лжи и тирании — два».*

Я — счастье. Другое моё имя — Дом. В него можно войти, можно остаться в нём навсегда. Я — самый счастливый Дом на свете. Да, да, именно Дом, тот, который я устроил в себе самом, старательно слепляя его, как ласточка из материалов жизни и тщательно оформляя на свой вкус. В нём есть всё: и место для работы, и комнаты для отдыха, и бесконечные пути, и тайны заброшенных закоулков, и приятные неожиданности для гостей, и отличная кухня. Но главное — мой дом гостеприимен для меня самого точно так же, как он гостеприимен для всего мира. Он — моя крепость. Он — крепость моего мира. Я смело могу выйти из него, чтобы вернуться обратно совсем другим. И Дом узнает меня. Он не с жизнью спорит, а любит её. Дом мой — счастье — одинаково светел в миг встречи и в час расставаний. Шепчет он: «Кто бездомным живёт изнутри, тот покоя ни в чём и нигде не найдёт — ни в чужих землях, ни в самозабвении среди меняющихся возможностей. Дому — счастьем меня самого — безразлично: где жизнь или смерть, и не важно — с кем быть».

Сон: *«Отсутствие сомнений — это уверенность знающего. Отсутствие совести — самоуверенность слепого».*

Я — плебей. Так бы никогда и не узнал об этом, если б не обстоятельства. Закралось сомнение насчет самомнения. Завелся вид внутренней ржавчины. Она заводится от излишней сырости и всего кислого.

Я — облако. *Внутри меня живут духи, умеющие чувствовать и говорить. Я слышу их трепет. Духи часто горюют, глядя вниз и гадая о будущей участи: «Что поделаешь, все мы там будем!»*